

Так, в китайском языке существует значение предшествующего действия, выраженное предварительным видом, а также отдельно выделяется значение кратковременности действия, многократности совершения действия, длительности действия и сопутствующего действия.

А. Горбацевич

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЗООМОРФИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В нашем исследовании функционально-семантическая группа зооморфизмов определяется как общность зоонимов (названий животных), используемая в переносном значении и называющая людей. Материалом для анализа послужили 74 самых общеупотребительных зоонимических образа из Толкового словаря Т. Ф. Ефремовой. Для отражения более полной и точной картины мы также обращались к Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова и к Толковому словарю русского языка Ожегова. Зооморфизмы были рассмотрены в контекстах художественных текстов различных жанров и типов, представленных в Национальном корпусе русского языка.

Большинство русских зооморфизмов (77 %) метагендерны, 14 % имеют фемининную референцию (среди них образы *газели, ласточки, голубки, коровы, выдры*) и 8 % имеют маскулинную референцию, например, *сокол, пес, кот, павлин, кабан, жеребец*. Однако нельзя не заметить некоторое расхождение словарного значения и фактического употребления зооморфизмов в текстах. Так, для слов *баран, бык, боров, медведь, орел, петух* в словарной статье используется лексема «человек», указывающая на метагендерную референцию, но в проанализированных контекстах эти зооморфные образы используются только по отношению к лицу мужского пола или лицу, пол которого не ясен.

С течением времени полисемия может развиваться вплоть до антонимических значений. Ярким примером может послужить зоолексема «коза», которая в текстах XIX века была окрашена положительно, употреблялась по отношению к резвой, бойкой девочке или девушке (*Зато барыня моя такая беспокойная душа, что ужас! Совершенная коза*). В современных же текстах это слово используется преимущественно как бранное (*Двести лет стоял, еще простоят, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!*).

Семантический потенциал зоонима, определяющий степень его продуктивности, обусловлен лингвистическими факторами (частотность, принадлежность к пласту исконной лексики, объем признаков компонентов в значении зоонима) и нелингвистическими факторами (принадлежность представителя фауны к классу домашних или диких животных, насколько много человек знает об этом животном).

Мы выделили 9 лексико-семантических групп зоонимов, среди которых 34 % – дикие животные, 26 % – домашние животные, 16 % – дикие птицы, 7 % – рептилии, 6 % – насекомые, 5 % – домашние птицы, 3 % – рыбы, 2 % – моллюски и 1 % – членистоногие.

Можно предположить, что номинаций диких животных и птиц больше, поскольку дикая фауна разнообразнее и насчитывает намного большее количество представителей, но фразеологический потенциал номинации домашних животных выше, поскольку у человека было и есть больше возможностей изучать поведение животных и сопоставлять с собственным поведением и сравнивать с качествами знакомого лица.

Е. Еремина

АНТРОПОНИМЫ-ФАМИЛИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Материал нашего исследования – фамилии студентов первого курса лингвистического университета. Объект анализа – структурно-семантические и этимологические характеристики данного класса имен собственных.

Классификация фамилий зависит от характера основы и от характера словообразовательных элементов. Основа фамилии может иметь славянское и неславянское происхождение. По семантике фамилии славянского происхождения могут восходить к именам собственным: *Борис – Борисенко, Семён – Семёнов*. В нашем исследовании это группа фамилий составила 10,7 %. На долю фамилий, образованных от иноязычных имен, приходится 6,7 %. Например, фамилия *Абдулин* произошла от арабского имени *Авдул, Абдула, Абдулла (Габдулла)*; *Богданов* – от болгарского имени *Богдан*; азербайджанская фамилия *Гайдаров* – от имени *Гейдар* и другие. Все эти фамилии освоены благодаря типичным для славян суффиксам *-ин* и *-ов*. Кроме того, зафиксированы фамилии, образованные от названия географических объектов, в нашей выборке они составили 3,9 %: *Власовец (от Власово)*. На фамилии, происходящие от названий профессий приходится 3,7 %, например, *Бондаренко, Бондарчук, Бондарук, Бондарьков (от бондарь)*. От названий животных образовалось 6,2 % анализируемых фамилий: *богомол – Богомоллов, заяц – Зайцев, козел – Козлов*.

К типичным славянским суффиксам относят суффиксы *-ов/-ев* и *-ин*. 28,77 % анализируемых фамилий были образованы благодаря этим суффиксам. Наиболее продуктивным является суффикс *-ов/-ев*, мы встретили его в 109 фамилиях (22,26 %), суффикс *-ин* встретился в 30 (6,2 %). Например, *Иван – Иванов, Петр – Петров, Кузьма – Кузьмин*. На белорусское происхождение указывают форманты *-онок* и *-ёнок*. В нашем исследовании они составляют 1,65 %. Например, *Климёнок, Артемёнок, Терешонок* и другие. Аналогом этих суффиксов в украинском языке считается суффикс *-енко*: *Остапенко, Секушенко, Фомченко*. В нашей выборке они составили 6,62 %. На древний характер белорусских фамилий указывает суффикс *-ич*. Например, *Бабич, Смолич*. В нашей выборке они составили 13,45 %. Однако нередко фамилии на *-вич* имеют литовское происхождение. Следует упомянуть, что *-ский* и *-цкий* – наиболее типичная морфологическая финаль, свойственная фамилиям польского происхождения. Например, *Бельский, Бруцкий* и другие.